

**О ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ  
НА ПАСТБИЩА И КОЧЕВЬЯ У ТУВИНЦЕВ  
(XVIII — начало XX в.)**

*Опубликовано: Социальная история народов Азии. — М., 1975. — С.115—125*

Феодализм у тувинцев как социально-экономический строй уже рассматривался в советской исторической литературе<sup>1</sup>, обращалось внимание и на некоторые его особенности, объясняющиеся спецификой кочевого скотоводческого хозяйства и существованием в нем патриархального уклада<sup>2</sup>. Тем не менее вопрос этот не может считаться полностью исследованным и возвращение к его обсуждению вполне естественно.

В настоящей статье внимание будет привлечено к формам собственности на землю как основе тувинского феодализма. В этой связи необходимо дать краткое и обобщенное представление о тувинском хозяйстве, характерном для XVIII—XIX вв., опираясь главным образом на этнографический материал.

Хозяйство это было сугубо натуральным, рассчитанным на собственные потребительские интересы населения. Поэтому обычные экономические показатели, которыми, как правило, оперируют экономисты, имеющие дело с товарным хозяйством, ориентированным на рыночный спрос, на рыночную конъюнктуру, здесь неприменимы. Вследствие этого главное внимание фиксируется на таких основных вопросах: каковы насущные материальные и бытовые потребности тувинцев, обитавших в суровых природных условиях Саяно-Алтайского нагорья; в какой степени удовлетворяло их хозяйство и какова была его техническая база?

Главной особенностью структуры народного хозяйства тувинцев нужно признать комплексность — исторически сложившуюся, устойчивую хозяйственную триаду. Она представлена табунным пастбищным скотоводством (с сезонными циклическими перекочевками), охотой на зверя и мелким земледелием (с небольшими посевами ячменя и проса), дополняемым собиранием и заготовкой впрок кореньев, клубней и семян диких съедобных растений. Соединение упомянутых отраслей хозяйства с мелкой домашней промышленностью, обеспечивающей переработку продукции, делало такое хозяйство в целом достаточно жизнеспособным и устойчивым, воспроизводившим себя по одной и той же модели. Разумеется, это было простое воспроизводство, которое возобновлялось в одних и тех же формах и примерно в тех же размерах. В свою очередь, каждая из упомянутых отраслей триадного хозяйства характеризовалась также своим определенным комплексом.

Табунное скотоводство представляло сочетание коневодства, разведения крупного рогатого скота и овцеводства. Только в отдельных районах этот комплекс дополнялся верблюдоводством. Следовательно, скотоводство тувинцев характеризовалось комплексным хозяйственным профилем. Будучи основано на пастбищном содержании скота в течение всего года, оно требовало систематических перекочевок со стадами, т.е. было кочевым, но имеющим свои особенности, отличающие его от скотоводства, например, тех степняков, которые почти непрерывно передвигались со скотом в течение круглого года. Тувинцы же кочевали с большими перерывами с одного сезонного пастбища на другое. Их сезонные пастбища для различных групп населения были всем хорошо известны и фиксированы на определенной местности. Перекочевки тувинцев были поэтому не только строго циклическими, сезонными, но и локализованными топографически. Вместе со стадами передвигалось и население той или иной кочевой единицы. Быт тувинцев был типично кочевым.

<sup>1</sup> Р.Кабо, *Очерки экономики Тувы*, М.—Л., 1934; В.И.Дулов, *Социально-экономическая история Тувы (XIX—начало XX в.)*, М., 1956; Л.П.Потапов, *Тувинцы*, — «Народы Сибири», М.—Л., 1956 и др.

<sup>2</sup> Л.П.Потапов, *Очерки народного быта тувинцев*, М., 1969.

Охоте на зверя тоже была присуща комплексная специализация, ибо охота охватывала промысловую фауну как таежной и подтаежной, так горно-степной и полупустынной зон. В отличие от некоторых охотничьих народов Саяно-Алтайской горной тайги (тофалары или шорцы) у тувинцев был более широкий диапазон промысловой охоты. Они успешно охотились не только на марала, лося, оленя, косулю, медведя, пушного таежного зверя (белку, соболя и т.д.), но и на сурка (тарбагана), быстроногих антилоп, джейранов и сайгов. Большое количество объектов промысловой фауны разных географических зон делало охоту практически возможной во все сезоны года, что, разумеется, повышало хозяйственное значение промысла. Сама организация охоты отличалась разнообразием форм и индивидуальных, и коллективных, начиная от охоты в одиночку, кончая большими коллективными облавами. Тувинец одинаково владел как приемами пешей, в том числе зимней на лыжах, так и конной охоты. При помощи последней удовлетворялся широкий круг хозяйственно-бытовых потребностей тувинца.

Узкоспециализированной подсобной отраслью в триаде было земледелие. Однако в сочетании с заготовкой диких съедобных растений хозяйственно-бытовой потенциал мелкого земледелия намного повышался и занимал существенное место в повседневной жизни населения. Весьма характерной чертой тувинского земледелия была его координация с пастбищным скотоводством. Небольшие посевы проса и ячменя производились в совершенно определенных местах, чтобы хозяйственные земледельческие работы (как по посеву и уборке урожая, так и по их охране) не могли нарушить сложившийся цикл перекочевок, обеспечивающих содержание скота.

Орудия труда, применявшиеся в каждой отрасли хозяйственной триады, были следующими: урук — длинный шесте глухой или затягивающейся ременной петлей на конце для ловли лошадей в табуне и управления движением стада (употреблялся и при облавной охоте на волков); кадаргы-таягыш — посох пешего пастуха — чабана, при помощи которого он управлял отарой; сыдым — ременное лассо; аргым-чы — волосяные арканы для ловли и привязывания лошадей; талбый — своеобразный грейдер для расчистки снега на пастбищах, состоящий из двух, составленных под острым углом досок, который тянула за собой верховая лошадь, управляемая всадником. Далее имелся различный инвентарь из ремней и волосяных веревок для пастьбы скота, доения, выючения (путы, намордники, выючные ремни или арканы) и т. д., а также седла и сбруя для верховой езды и выюков и др.<sup>3</sup>

Для обработки продукции скотоводства применяли ручные шкуро-кожемялки, скребки, мутовки — сбивалки масла, деревянные палочки для размягчения шерсти битьем и деревянный вал для катания шерсти при изготовлении войлока.

Основными орудиями охоты были лук и стрелы (шомпольное ружье было редким), деревянный самострел и примитивные ловушки, деревянные загородки, петли, ловчие ямы, манки на некоторых копытных зверей (марала, косулю), а также лыжи, подбитые камусом, без которых пешая охота зимой была невозможна.

В земледелии кроме мотыги употреблялся андазын — деревянная суковатка с маленьким железным наконечником, царапающим землю вдоль и поперек. В качестве бороны применяли сучья сухого дерева, на которые сверху для тяжести накладывали камни. До появления русского серпа колосья жали ножом, молотили их вытаптыванием (быками), а веяли деревянными лопатками. Мололи зерно ручными каменными мельницами, а также в деревянных ступах ручным пестом.

При собирательстве применяли корнекопалки (иногда имевшие железный наконечник), которыми выкапывали корни и клубни. Если еще добавить железный топор, нож и тесло, то этим исчерпываются орудия труда тувинцев. Только в кузнечном ремесле таких орудий было больше. Но и здесь наблюдалась весьма отсталая техника. Ручные меха, маленькая наковальня, небольшой набор молотков, щипцы и пр.— все это свободно укладывалось в

---

<sup>3</sup> Характеристика их дается по материалам Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР и музейным коллекциям.

сумках, перекидываемых через седло.

Важным орудием труда был рабочий скот — верховые и вьючные домашние животные: лошадь, бык, а местами и верблюд. Эти животные были тягловой силой и главным средством передвижения людей и грузов. Рабочий скот у тувинцев обеспечивал выполнение основных видов хозяйственных работ. Верховая лошадь требовалась для пастбы скота, для перегонов его с пастбища на пастбище. Она была весьма необходима и при охоте. С помощью тягловой силы лошади или быка тувинцы пользовались орудиями для обработки почвы, молотили и транспортировали урожай зерновых, катали войлок и разгребали снег на пастбищах. Ездовые лошади и быки обеспечивали тувинцам систематические перекочевки, перевоза людей, юрту и имущество; только благодаря им тувинцы преодолевали большие и труднопроходимые пространства и переправлялись через реки.

Рабочий скот был главным орудием труда, живым инвентарем. Но сам он создавался также трудом людей, выращивающих рабочий скот, обучавших его работе и управлявших им.

Из краткого обзора видно, что орудия труда тувинцев в подавляющем большинстве были настолько просты как по материалу, так и по конструкции, что изготовление их было доступно каждому мелкому хозяйству, основанному на личном труде. Все они были рассчитаны на индивидуальный, преимущественно ручной труд, не требующий особой квалификации. Поэтому их концентрация в отдельном хозяйстве (за исключением рабочего скота) не могла повлечь за собой особого экономического превосходства. Частная собственность на большинство таких орудий не могла играть решающей роли в социально-экономическом расслоении тувинцев. Господство таких орудий труда было одной из причин длительного технического застоя в хозяйстве тувинцев.

Изложенное выше позволяет перейти к краткой характеристике производительных сил тувинцев.

Главной из них нужно считать, конечно, непосредственных производителей материальных благ — трудящихся-скотоводов и охотников с их трудовыми навыками, производственным опытом и знаниями. Даже при неразвитости своих орудий труда они сумели покорить и приспособить для своей жизни суровую природу Саяно-Алтайского нагорья. Опираясь на многовековой опыт, трудящиеся-тувинцы освоили большие и труднодоступные для человека пространства, создали многоотраслевое экстенсивное хозяйство и на этой основе своеобразную и самобытную народную культуру. Они сумели решить такие крупные хозяйственные проблемы, как обеспечение стад кормом на базе естественных пастбищ, содержание скота в течение всего года под открытым небом в условиях высокогорного сурового климата и др.

Из поколения в поколение трудящиеся-тувинцы изучали местные кормовые естественные ресурсы, разрабатывали способы и критерии подбора пастбищ для каждого сезона года в отдельности и даже для каждого вида скота. Они умели управлять поведением различных домашних животных, в различной обстановке, в разные сезоны года, особенно во время таких стихийных явлений, как гроза, пылевая буря или снежная метель. Их циклично-сезонное кочевание представляло собой высокую ступень в многовековом развитии кочевого скотоводства, знаменующую успехи развития производительных сил в данной отрасли производства.

В общей характеристике производственных сил нужно подчеркнуть существенную особенность, которая в значительной мере компенсировала слабое развитие орудий труда тувинцев. Речь идет об упомянутой комплексности тувинского хозяйства как в целом, так и его отдельных отраслей. Такая исторически сложившаяся комплексность делала натуральное хозяйство более динамичным и производительным. Тувинское комплексное хозяйство было более прогрессивным по сравнению с узкоспециализированными формами натурального хозяйства степняков-скотоводов или таежных охотников Саяно-Алтайско-Хангайского нагорья. Тувинцы были лучше вооружены хозяйственными навыками и знаниями, позволяющими им жить и хозяйствовать в горных лесах и лесостепях, горных степях и

полупустынях.

Ведущее значение скотоводства и охоты у тувинцев определялось их широким профилем в хозяйственной специализации— как в разведении различных видов скота, так и в охоте на различного зверя,— развившимся на основе большого\* разнообразия местных природных ресурсов. Проявлявшаяся неустойчивость пастбищного табунного скотоводства, порождаемая его сильной зависимостью от природных условий, от стихийных явлений, компенсировалась в той или иной степени охотой широкого профиля и мелким подсобным земледелием. Даже при слабом развитии орудий труда рентабельность натурального тувинского хозяйства была такова, что она обеспечивала его воспроизводство. Однако ведение такого комплексного экстенсивного хозяйства было возможно только при наличии пригодных для этого больших территорий.

Не может быть поэтому сомнения в том, что в качестве главного средства производства здесь выступала земля, т. е. кочевья и пастбища, охотничьи угодья и т.д.

Земля в широком смысле, и только земля, была решающим средством производства. Лишь при наличии больших земельных пространств можно было сохранять воспроизводство стад при пастбищной системе кормления скота в течение круглого года, обеспечивать добычу различного зверя, вести хотя бы небольшое экстенсивное земледелие. Для того чтобы представить конкретно количество только одних пастбищ, потребное для прокорма скота, необходимо обратиться к некоторым цифрам. Практические расчеты, сообщенные нам тувинцами — колхозниками-скотоводами, которые еще сравнительно недавно вели скотоводческое хозяйство старинным способом, показывают следующую картину. Чтобы прокормить зимой одну голову крупного рогатого скота или одну лошадь, требовалось 8—9 га пастбищ среднего качества, а для овцы — 2—3 га<sup>4</sup>.

Для существования семьи из четырех человек нужно было при старом комплексном тувинском хозяйстве иметь 4—5 коров, примерно 60 голов овец и 2—3 лошади<sup>5</sup>. При этом речь идет о самом скромном количестве скота, т. е. таком, которое давало возможность семье лишь сводить концы с концами, конечно при некоторой охотничьей добыче, заготовке диких растений и небольшом посеве. Если же подсчитать, сколько требовалось зимних пастбищ (среднего качества) такой семье для прокорма скота, то окажется — более 200 га. К этому нужно прибавить еще летние и осенне-весенние пастбища. Таким образом, эта цифра возрастает не меньше чем в два раза, ибо зимние пастбища летом оберегаются от погребения и остаются неприкосновенными. Фактически же территория пастбища, выраженная в гектарах, должна быть еще больше, так как в нее входят и участки, непригодные для пастбы (крутые склоны гор, скалы, каменные россыпи, лесистые участки, заросшие мхом, заболоченные места и т. д.), занимающие часто большие территории, увеличивающие общий размер площади, в пределах которой они расположены. Так, обстоит дело с размером территории пастбищ, необходимых для одного только хозяйства, которое по его экономическому уровню трудно назвать даже средним. Если же взять хозяйство тувинского феодала с почти тысячным табуном лошадей, сотнями голов крупного рогатого скота и отарами овец, насчитывающими по несколько тысяч голов, то территория кочевий и пастбищ, необходимая для такого хозяйства, выражалась в десятках тысяч гектаров.

Приведенные цифровые данные на тувинском материале показывают, насколько был прав К.Маркс, когда подчеркивал, что для скотоводства большие необитаемые просторы являются главным условием<sup>6</sup>. Эти цифры опровергают встречающиеся иногда утверждения о том, что для многих кочевников аграрный вопрос будто бы не имел остроты, так как они вели хозяйство в условиях многоземелья. Такие соображения высказывались и в отношении

<sup>4</sup> По подсчетам современных работников сельского хозяйства, для лошади или одной головы крупного рогатого скота требуется 6 га таких пастбищ, а для овцы—1,5 га. Но при этом учитывается подкормка скота и более усовершенствованные пастбища (см.: «Система сельского хозяйства в Туве», М., 1960, стр. 157—458).

<sup>5</sup> «Ученые записки Тувинского Научно-исследовательского института языка, литературы и истории», т. IX, стр. 104.

<sup>6</sup> К.Маркс, Из рукописного наследия,— К.Маркс и Ф.Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 724.

тувинцев<sup>7</sup>. Однако подобные утверждения основаны на незнании действительных потребностей в площадях, требующихся для прокорма скота на пастбищах в течение круглого года.

В свете сказанного уместно перейти к характеристике собственности на земли у тувинцев, выступавшей здесь главным образом в форме собственности на кочевья и пастбища как: основного средства производства. Собственность на землю в Туве, где огромными территориями, составляющими кочевья пастбища и др., монополично распоряжались определенные: частные лица, безусловно существовала.

Кто же были эти частные лица? Это были местные феодалы высшего ранга — хошунные князья, от воли которых зависела возможность рядового тувинца кочевать и пасти свой скот в местах, назначенных ему феодалом. Рядовой тувинец, не мог по своему усмотрению выбирать кочевья и пастбища или сменять их. Это целиком зависело от личной воли феодала, к которому был прикреплен тувинец, как известно, без права перехода к другому хошунному князю.

Хошунный же феодал, напротив, в пределах своего удела— хошуна кочевал где ему было угодно и занимал под пастбища любую территорию. Такое положение особенно хорошо фиксируется во второй половине XVIII в., когда Тува оказалась под игом маньчжурской династии Китая. Захватчики установили здесь, как и в Монголии, свое административно-военное деление. Они полностью изолировали Туву, окружили ее военными караулами, запретив населению выходить за пределы своей территории и общаться с родственными соседними племенами.

Тува в установленных границах была разделена на военные уделы, называвшиеся «знаменами» или хошунами. Созданные хошуны раздавались как военные лены тувинским и; даже монгольским князьям. Большая территория Тувы и ее население были разделены на четыре хошуна. Кроме того, часть тувинцев, находящихся в Туве, была закреплена за некоторыми монгольскими князьями, которые жили в Монголии и оттуда управляли данными им хошунами и сумонами<sup>8</sup>.

Во главе всех тувинских хошунных князей — нойонов находился один из хошунных князей, именованный амбань-нойоном, власть которого и принадлежащие ему пастбища, кочевья и население его хошуна передавались по наследству с ведома маньчжурской династии<sup>9</sup>. Таким образом, в основе феодальной земельной собственности в Туве лежал своего рода военный лен с иммунитетом, который жаловался тувинским нойонам главой маньчжурской династии за административно-военную службу и сбор натурального албана (налога) пушниной.

Форма военного лена с иммунитетом была широко распространена со средневековья у монголов и в Средней Азии, где выступала под названием инджу, сойюргал и т.д.<sup>10</sup>.

В этой связи уместно сказать, что в нашей литературе имеются попытки вообще отрицать частную собственность у скотоводов-кочевников, в том числе феодальную. Но эти попытки основаны не на конкретных исторических фактах, а на общих неверных рассуждениях, игнорирующих историческую действительность. Основным аргумент таких взглядов сводится к следующему. У кочевников-скотоводов не могло быть частной собственности на землю, так как земля у них не отчуждалась в форме купли и продажи. Действительно, у кочевников-скотоводов земля не продавалась и не покупалась, хотя исключения были, например, у алтайцев, казахов и киргизов, правда уже в поздний период их нахождения в составе Русского государства и развития в их среде товарно-денежных отношений. Суть же вопроса заключается в том, что отчуждение земли путем купли и продажи вовсе не является главным признаком частной земельной собственности для

<sup>7</sup> В.И. Дулов, Социально-экономическая история..., стр. 174, 176.

<sup>8</sup> См. об этом: Л. П. Потапов, Очерки народного быта тувинцев(гл. I и II).

<sup>9</sup> Эту наследственность у тувинских амбань-нойонов и нойонов проследил почти на протяжении двух столетий В.И.Дулов (В.И.Дулов, Социально-экономическая история..., стр. 186—187).

<sup>10</sup> И.П.Петрушевский, Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII— XIV вв., М.—Л., 1960.

социально-экономических эпох, предшествующих капитализму. Монополия определенных частных лиц на распоряжение землей, зависящее от их личной воли,— вот в чем главный признак земельной собственности.

Вопрос об отчуждении земли является по существу вопросом о форме реализации монополии земельного собственника<sup>11</sup>. Форма же реализации этой монополии безусловно зависит от уровня социально-экономического развития конкретного общества. Продажа и купля земли может существовать только в обществе, где развились товарно-денежные отношения, где земля становится предметом купли и продажи. Поэтому формы реализации монополии на землю, ее собственниками в различные эпохи различны.

Отчуждаемость земли не только не сводится к купле и продаже (например, насильственный захват, пожалование, наследственный раздел), но на некоторых ступенях докапиталистического развития общества вообще в этой форме не существует. Тувинцы дают этому убедительный исторический пример. У них, несмотря на наличие собственности феодалов на землю, земля не продавалась и не покупалась. Этого просто не могло и быть, так как рядовой тувинец, нуждавшийся в больших земельных территориях, не имел средств для приобретения пастбищ и кочевий такой величины. Денежного обращения тогда не было, следовательно, что он мог предложить из своего хозяйства монополющему собственнику земли — феодалу? И нуждался ли феодал в продукции натурального хозяйства рядового тувинца? Стоит поставить эти вопросы, как абсурдность взглядов о критерии земельной собственности у кочевников-скотоводов в форме отчуждаемости земли через куплю и продажу становится очевидной.

При рассмотрении этого вопроса не учитывается обычно и то обстоятельство, что феодалы как собственники огромных стад сами нуждались (в большей степени, чем рядовые скотоводы) в огромных земельных территориях и поэтому цепко держались за свою земельную собственность. Они боролись за нее между собой. Часто эта борьба носила вооруженный, характер. Выше самыми простыми подсчетами было показано, что утверждения о будто бы имевшемся многоземелье у тувинцев неосновательны, что это миф.

Круглогодичное пастбищное скотоводство требовало больших необитаемых просторов, поэтому тувинские феодалы весьма ценили свои кочевья и пастбища, особенно зимние. Это было свойственно и другим кочевникам. Формой реализации их собственности на землю было полное и монопольное распоряжение землями своего хошуна. Феодал занимал столько и таких по качеству пастбищ, сколько ему этого требовалось или хотелось. Он сам отводил «наделы», т.е. места для кочевий и пастбищ подчиненным ему более мелким феодалам (родственникам, сумонным князьям и т.п.) и закрепленным за ним навечно и наследственно рядовым кочевникам, (кочевой общины).

Феодал у тувинцев как собственник больших территорий не испытывал недостатка в пастбищах. Его заботы были направлены на обеспечение рабочей силы для пастбы и ухода; за его скотом. Этого он достигал главным образом путем внеэкономического принуждения, используя даровую рабочую силу, прикрепленных к нему рядовых тувинцев. Чтобы прокормить свой скот, особенно зимой, феодал дробил свои стада и поручал выпас и уход за ним целиком зависимым от него» рядовым скотоводам. Последние несли это бремя, стремясь в то же время сохранить и свое личное мелкое хозяйство.. Таким образом крупный феодал не только поддерживал высокий количественный состав своего стада, но и иногда даже расширял его в возможных местных пределах, пока то или иное стихийное бедствие не наносило ему урон или же он подвергался разорению по воле верховного правителя. В первом случае феодал оправлялся довольно быстро как за счет бесплатного труда своих крепостных кочевников, так и за счет натуральных поборов в свою пользу.

Иным в этом отношении было положение трудящихся тувинцев-скотоводов. Рядовой кочевник-скотовод не обладал собственностью на кочевья и пастбища, несмотря на то что

---

<sup>11</sup> Мы здесь не касаемся отчуждения земли насильственным путем при завоеваниях, поскольку эта форма представляет собой отклонение от нормального внутреннего развития общества.

имел свое хозяйство, скот, юрту, орудия труда и продукцию своего хозяйства, часть которой он вынужден был отдавать феодалу. Рядовой кочевник только пользовался указанными ему землями, на которых он кочевал, пас свой скот, сеял хлеб или охотился, причем пользовался не в одиночку, а вместе с другими рядовыми кочевниками<sup>12</sup>. В этой связи нетрудно понять, почему хозяйство рядовых кочевников в их массе было всегда мелким, едва обеспечивающим их существование.

Рост поголовья стада в таком хозяйстве даже при общинном землепользовании упирался в господство феодальной земельной собственности, ограничивающей размеры пастбищ, предоставляемых в общинное пользование. Недостаток пастбищ был весьма серьезной причиной, сдерживающей рост стад и продукции скотоводческого хозяйства у массы рядовых кочевников, которые тратили свой труд в большей части на пастьбу, уход за стадами их феодального владельца, монопольного собственника пастбищных угодий.

Из изложенного выше следует, что роль земли как основного средства производства в жизни тувинцев была решающей. Концентрация земли в собственности феодальной верхушки служило базой для эксплуатации трудящихся-тувинцев и основой феодального способа производства.

В заключение хочется сказать, что формы и субъекты феодальной собственности на пастбища и кочевья у тувинцев не оставались неизменными на протяжении всего описанного выше периода. Именно в это время здесь возникла и развилась феодальная собственность на пастбищные угодья ламаистских монастырей — хуре, возникновение которых в Туве относится к концу XVIII в. Это было вызвано массовым обнищанием тувинцев (в связи с уменьшением количества скота), которое явилось результатом угнетения и ограбления их административной верхушкой, о чем неоднократно писали исследователи, посещавшие Туву в конце XIX — начале XX в. Они наблюдали также изменения в формах земельной собственности и землепользования.

Надо отметить, что обеднение (скотом) коснулось не только рядовых скотоводов, но и местной феодальной правящей верхушки. Это обстоятельство несколько сократило потребность в большом количестве пастбищ со стороны тувинского феодального класса. В этой обстановке открылись некоторые возможности для общинного пользования пастбищами рядовыми тувинцами, кочевавшими совместно мелкими аальными общинами. Правда, эти возможности не повлияли на их экономическое положение, оно осталось прежним. Они, как и раньше, зависели от местной феодальной и административной верхушки, кроме того, отдавали свой труд и время богачам нового типа, выросшим в рамках своих общин, в результате разложения тувинского аратства под влиянием новых общественно-экономических отношений.

---

<sup>12</sup> Роль общинного землепользования и мелких общин кочевников в условиях господства феодальной собственности на пастбища и кочевья неоднократно освещалась в нашей литературе (см.: И.Я. Златкин, История Джунгарского ханства, М., 1964; С.М. Абрамзон, Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, Л., 1971; Л.П. Потапов, Очерки народного быта тувинцев и др.).